

БАЛКАНЫ – ЗОНА ДРЕМЛЮЩИХ КОНФЛИКТОВ?

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-120-126

Пономарева Е.Г. Балканский рубеж России. – М: Книжный мир, 2018. 319 с.

Выход в свет монографии Е.Г.Пономаревой спустя два десятилетия после того, как США и их союзники в 1999 г. обрушили свою военную мощь на сравнительно небольшое государство – Союзную Республику Югославию, представляется закономерным. Эта война стала первой полномасштабной «горячей» войной в Европе после окончания Второй мировой. Хотя многие причины и корни конфликта в Косово уходили в прошлое, интервенция США и НАТО в Косово подняла ряд проблем сегодняшнего и даже завтрашнего дня. Поэтому экспертные оценки ее итогов и последствий актуальны и сегодня – как в силу важности недопущения прошлых ошибок и поддержания европейской безопасности, так и в целях выстраивания конструктивных взаимоотношений между государствами в Европе и других регионах мира.

Профессор МГИМО МИД РФ и одна из ведущих российских балканистов Е.Г.Пономарева подготовила обстоятельный анализ причин, хода и последствий войны. В ее книге также детально рассматриваются вопросы правомерности действий Запада и США на Балканах, с точки зрения норм международного права; оцениваются проблемы деятельности и степень ангажированности Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ).

Конфликтные линии в регионе формировались веками и связаны с господством или влиянием на Балканах разных империй – Византийской, Османской, Австро-Венгерской и Российской, каждая из которых старалась «перетащить одеяло на свою сторону». Византия дала балканским народам православие, 500-летнее турецкое владычество сопровождалось исламизацией и отуречиванием, особенно наглядно проявившемся в Боснии и Герцеговине, а также в Косово и Метохии. Обособившиеся в отдельную нацию боснийские мусульмане представляли собой принявших ислам славян, которые не совсем уютно чувствовали себя как в окружении соседей-представителей христианских конфессий, так и своих единоверцев – турок. Хорватия стала юго-восточным форпостом католицизма в Юго-Восточной Европе. По выражению автора, три разных мира несколько веков существуют и развиваются в непосредственном контакте и тесном взаимодействии (с. 15).

На разных этапах доминировали различные теории, обосновывавшие целесообразность либо объединения, либо обособления народов будущей Югославии. Центристские тенденции выразились в появлении в середине XIX века идеологии иллиризма, обосновавшего общность судеб сербов, хорватов и словенцев. Однако параллельно им набирали силу и националистические, местечковые идеологии и теории. В частности, в задачу-минимум сербского национализма входило объединение всех сербских земель в единое государство, а в задачу-максимум – формирование Южнославянской федерации под руководством Белграда. Хорватский национализм связывался с созданием независимого хорватского государства. Словенцы тяготели к австрославизму. Свою инаковость по отношению к туркам хорошо ощущали многие балканские

мусульмане. И только албанцы не стремились отмежеваться от Османской империи, опасаясь поглощения своими соседями. Они провозгласили независимое государство лишь после того, как в 1912 г. Болгария, Греция, Сербия и Черногория объявили Турции войну. Примечательно, что именно Первая мировая война способствовала формированию единого югославского государства, против чего не возражали великие державы того времени. Объединившись с Сербией, Хорватия и Словения автоматически перешли в лагерь победителей (с. 28).

После государственного переворота 1929 г. в Югославии установился авторитарный режим, начавший проведение административной реформы. Были ликвидированы исторические границы между Сербией, Хорватией и Словенией. Вместо областей базовыми административными единицами стали десять бановин, получившие наименования по названиям рек. Такие действия, которые вели к подрыву федерализма, провоцировали вспышки недовольства со стороны местных националистов, отчасти поощрявшиеся извне. Так, с благословения и при поддержке фашистской Италии и Б.Муссолини была создана националистическая организация хорватских усташей.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) стала продуктом Ялты-1945 и соглашений лидеров СССР, США и Великобритании. На ее формирование как федерации огромное влияние оказали советский опыт и Конституция СССР 1936 г. В СФРЮ вошли шесть национальных республик – Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония и Черногория. В составе Сербии были выделены два автономных округа – Косово-Метохия и Воеводина, являвшиеся местами компактного проживания албанцев и венгров. Е.Г.Пономарева оценивает режим И.Б.Тито как жесткий, но не тоталитарный. В Конституции СФРЮ 1963 г. были значительно расширены экономические и политические права субъектов федерации. Этот процесс обрел инерцию, причем расширение прав республик сопровождалось углублением социально-экономического разрыва между ними. По мнению автора, новая конституция страны 1974 г. лишила центр эффективных средств воздействия на субъекты федерации, которые сотрудничеству между собой предпочитали налаживание связей с зарубежными странами (с. 44). Уход Союза коммунистов Югославии из экономики вел к неуклонному ослаблению роли партии в стране. Югославская идея медленно, но верно теряла свое значение.

Смерть Тито в мае 1980 г. стала поворотной точкой в истории страны, поскольку именно он создал это государство и умел поддерживать баланс интересов между югославскими республиками. К сожалению, Тито не нашел иных действенных рычагов для поддержания связей между республиками, помимо собственного авторитета. Этнорелигиозные противоречия, в основе которых лежали сербско-хорватский и сербско-албанский конфликты, выразились в появлении разного рода националистических партий, движений, народных фронтов и т. п. Место универсальной югославской доктрины заполнилось ксенофобией. По словам Е.Г.Пономаревой, к концу 1980-х гг. Югославия сохранила лишь признанные на международном уровне суверенитет и формальный статус (с. 53).

Почему «югославский развод» оказался столь кровавым? С одной стороны, единая страна существовала лишь формально, а с другой стороны, даже в отличие от Основного закона СССР, конституция СФРЮ не предоставляла республикам возможности свободного выхода из федерации. Безусловно, свою роль здесь сыграло изменение позиции ведущих мировых игроков, прежде всего, западных стран, которые сочли дезинтеграцию как СССР, так и СФРЮ более соответствующими своим внешнеполитическим интересам, чем сохранение их

целостности (с. 68). Имело значение и то обстоятельство, что во главе Президиума СФРЮ на 1991 г. по ротационному принципу оказался представитель Хорватии. Распад по одному из худших сценариев оказался неизбежен.

Почему Югославия, отстаивая свое право на существование в борьбе с фашизмом, подверглась беспрецедентной в новейшей европейской истории агрессии со стороны США и их союзников? Е.Г.Пономарева видит одну из внешних причин в усилении на мировом энергетическом рынке российских игроков (прежде всего, Газпрома) и в их продвижении на запад, через Балканы. Россия могла усилить свое влияние на мировом энергетическом рынке, что явно не устраивало мировых конкурентов (с. 79). Косвенным подтверждением данному тезису является тот факт, что в ходе натовских бомбардировок была уничтожена промышленность Югославии – свыше 160 принадлежащих государству заводов. Еще одна причина, по мнению автора, заключалась в стремлении США и НАТО нанести удар по тем народам, которые бросают Западу цивилизационный вызов – православным сербам, украинцам, русским. Третья причина крылась в реализации Западом стратегии «управляемого хаоса» (хотя непонятно, можно ли вообще управлять хаосом – А.Ф.). В итоге в Европе именно на Балканах впервые возникла полукриминальная, радикально-националистическая и при этом мусульманская политика.

Кроме того, политической проблемой для Запада стало нежелание Белграда присоединяться к НАТО, а экономической – то, что Югославия сохранила свой государственный сектор и не включилась в неолиберальную экономическую систему. В этих условиях отождествление С.Милошевича с А.Гитлером давало своего рода индульгенцию на силовые действия против югославского лидера.

При этом радикальное переформатирование югославского пространства не только не разрешило имевшихся проблем, но и привело к возникновению новых. Одной из них стало, по выражению автора, появление «государства-бандита» в лице частично признанного Косово: этот край, являвшийся самым отсталым в федерации, закрепил за собой репутацию оплота наркомафии, черного рынка человеческих органов, а также источника террористической угрозы для Европы (с. 103). Поскольку наркотрафик дает от 300 до 2000% прибыли, в него втягивалось все больше и больше косоваров, а торговля органами была порождена как коммерческим спросом, так и условиями войны и этнических чисток (в данном случае, антисербских). Косовское общество, повязанное родственными связями, носит очень замкнутый характер: косоварские диаспоры не инкорпорируются или слабо интегрируются в европейские общества, а преступления раскрываются с большими трудностями, поскольку все их участники сверху донизу повязаны обетом молчания – *бесой*. Как утверждает Е.Г.Пономарева, господствующие в Косово мафиозные кланы (*фисы*) следуют националистической идеологии албанизма, заложенной ее теоретиком П.Шкодрани (1825–1892 гг.) и призывающей к объединению всех территорий, на которых албанское население составляет большинство. На практике такая идеология оборачивается вытеснением иноэтничных жителей данных территорий.

По своему конфессиональному составу современное косовское общество, наряду с мусульманами-традиционалистами, включает так называемых криптокатоликов и ваххабитов (мусульман-фундаменталистов). Если ко вторым автор относит новую косовскую элиту, то ваххабизм в основном распространяется среди средних и низших слоев общества. Если в распространении ваххабизма среди мусульман-традиционалистов основную роль сыграло саудовское влияние, то, например, Турция оказывала серьезное влияние на свою албанскую диаспору –

самую многочисленную в мире. Однако как только у Турции возникли проблемы с США, косовское руководство заняло проамериканскую позицию, что вызвало недовольство Анкары. Из Тираны периодически раздаются призывы к объединению с Косово, но истинный смысл этих призывов и степень их реалистичности неясны: то ли Албания действительно хочет объединения на своих условиях, то ли шантажирует этим ЕС до тех пор, пока ее туда не примут.

Судьба Косово во многом будет определяться экономическими факторами. Исторически процесс налаживания хозяйственно-экономической жизни был сопряжен с большими сложностями, при этом население противилось изменению своего уклада жизни (с. 175). Вследствие этого в рамках СФРЮ округ получил наименование «неразвитой территории», что справедливо и сегодня. Параллельно в де факто независимом Косово продолжается процесс вытеснения сербского населения и осталось лишь 17 сербских очагов. С помощью международных организаций для албанцев было построено 40 тысяч домов, для сербов – 40. Отягощает ситуацию неурегулированность имущественных отношений властей с сербским населением.

Безработица в Косово всегда была высокой: к началу 2000-х гг. она составляла свыше 55%. Позже ее уровень снизился до 40–45%, но все равно остается самым высоким в Восточной Европе. Основная масса безработных – лица с отсутствием какой-либо квалификации. По данным Всемирного банка, свыше 700 тысяч человек трудоспособного населения относятся к так называемой неактивной группе на рынке труда. Показатель инертности среди женщин близок к 80%. Тревожным показателем выглядит доля неформального, или теневого, сектора, достигающая в экономике страны порядка 40% (с. 187), тогда как в социалистический период экономика края в основном носила легальный характер. Слабую интегрированность экономики Косово в международную экономическую систему характеризует низкий показатель экспорта (11% от совокупной торговой активности), который рос только в торговле с Италией (с. 191).

В качестве позитивного фактора упоминается, что относительно молодое население, дешевая рабочая сила и наличие природных ресурсов привлекают определенное внимание некоторых внешних инвесторов. Однако широкомасштабная коррупция в системе тендеров и в процессе осуществляемой приватизации тормозят развитие международных связей. В этих условиях ключевым приоритетом становится реформирование экономики Косово в соответствии с международными стандартами и регуляторными нормами.

Автор анализирует деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), считая его деятельность предвзятой. МТБЮ вынес приговоры 171 обвиняемому, из которых 102 были сербы, ими же были 12 (включая С.Милошевича) из 14 умерших во время следствия. Сербь были осуждены в совокупности на 1150 лет, хорваты – на 360, албанцы – всего на 19. Лидер Сербской радикальной партии Воислав Шешель был оправдан после того, как провел в следственном изоляторе 11,5 лет. Таким образом, МТБЮ фактически выполнял политическую цель – подтвердить виновность определенного народа во всех войнах последнего балканского кризиса (с. 202).

Что же представляют собой те сценарии будущего развития обстановки на Балканах, которые видит автор? Балканы, по ее мнению, могут стать как самостоятельным очагом конфликта, так и катализатором более масштабных противоречий в двух случаях: формирования так называемого балканского халифата или «албанизации» (с. 223).

Сценарий возникновения «балканского халифата» пока видится лишь умозрительным, но, тем не менее, имеющим под собой некоторые основания. Первое и самое главное из них создает мощный миграционный поток на Балканы (и через Балканы) с Ближнего Востока и из Северной Африки. Автор предостерегает, что в случае развития этой тенденции сетевые структуры «балканского халифата» могут оформиться в ближайшие 10–15 лет, а его формирование затронет территорию в границах проживания исповедующего ислам населения в Албании, частично в Греции, Болгарии, Боснии, Македонии, Сербии (и Косово), а также Черногории (с. 224). Сегодня доля мусульманского населения составляет в Косово 95%, в Албании – 57%, в Боснии и Герцеговине – 40%, в Македонии 33%, в Черногории – 19%. При этом на территории Косово создана и действует сеть военных лагерей по подготовке боевиков. Пока они едут в горячие точки за пределами региона (в Афганистан, Сирию, Ирак), а среди вернувшихся обратно от 15 до 40% активно занимаются вербовкой новых «солдат удачи».

Третий фактор – это наличие в регионе массовой, часто незанятой мужской рабочей силы. Если в Европе в среднем на 100 мужчин в возрасте 40–44 лет приходится менее 50 мальчиков в возрасте до 4 лет, то на Ближнем Востоке – 300–400. Выход из депрессивного состояния молодежь видит в служении Аллаху, нередко в ваххабитской интерпретации. Автор книги признает, что препятствием для распространения идей и практики «ваххабитского халифата» на Балканы могут стать размещенные в Болгарии, Косово и Греции вооруженные силы США и НАТО. У США существуют свои виды на будущее. Однако, согласно прогнозу Е.Г.Пономаревой, процессы исламизации и радикализации населения региона необратимы, меняться может лишь скорость реализации сценария.

Вторым сценарием является албанизация региона, создание «Великой Албании» с включением в нее соседних территорий, заселенных албанцами – Косово, Западной Македонии (Илириды), Юго-Восточной Черногории (Малесии) и Северо-Западной Греции (Семерии). Как полагает автор, албанизм является не умозрительным, а вполне практическим проектом, который поддерживают этнические албанцы, исповедующие ислам, католицизм и православие, а также атеисты. На реализацию такой цели албанцы со всего мира отчисляют определенный процент со своего заработка (с. 239). На практике это выражается в закрытом характере албанской общины с практически нулевой ассимиляцией в инокультурные сообщества, ее ярко выраженной способностью формировать теневые и параллельные государственные структуры и т. п.

Пока сложно определить, как первый сценарий может сочетаться со вторым, при том, что на реализацию обоих сценариев могут серьезно влиять многочисленные внутри- и внешнеполитические противоречия. При этом осуществление второго сценария автор считает доминирующей целью албанцев. В то же время определяющее влияние на возможную реализацию первого сценария, по ее мнению, окажут именно внешние игроки, особенно США, Турция и Саудовская Аравия (с. 243).

С точки зрения потенциальной активизации транснациональных боевиков-террористов, наиболее проблемными зонами в Балканском регионе автору видятся Албания, Босния и Герцеговина и Косово. Хотя с 2012 г. правительства западно-балканских стран приступили к разработке контртеррористических мер, их эффективность ограничена, а борьба с терроризмом ведется вяло. Так, возвращение в Албанию 40 боевиков-террористов, принимавших участие в вооруженном насилии и конфликтах на Ближнем Востоке, не создало им видимых проблем. Большинство боевиков и ранее были не в ладах с законом, при этом

процесс радикализации заключенных в албанских тюрьмах продолжается. В 2015 г. в стране была принята «Национальная стратегия по борьбе с насильственным экстремизмом», а несколько человек даже получили тюремные сроки. В стратегии главное место отводится религиозному образованию и социальным программам, поощрению культурной и религиозной терпимости. Слабость албанской стратегии, однако, заключается в ее недофинансировании: Еврокомиссия выделила на нее немногим более 300 тыс. евро, а у самой Албании денег на ее реализацию нет (с. 250).

С 2015 г. «Стратегия по предотвращению и борьбе с терроризмом» действует и в Боснии и Герцеговине. Законодательство страны предусматривает уголовную ответственность за вербовку, подготовку, финансирование и организацию террористической группы, а за участие в иностранных воинских формированиях – тюремный срок не менее 5 лет. В рамках кредита Банка развития Совета Европы выделено 20 млн. евро на строительство специализированной тюрьмы, а США предоставили более 1 млн. долл. на обучение тюремного персонала (с. 255). Тем не менее, в Сирию и Ирак уехали воевать не менее 240 боснийцев, из которых менее четверти вернулись обратно. Следует, правда, отметить, что боснийская исламская община обязалась заниматься подготовкой имамов-контрпропагандистов.

Что касается Македонии, то ее национальная антитеррористическая стратегия также предполагает применение широкого спектра репрессивных мер. Вместе с тем, мер превентивного характера в ней содержится мало, за что македонские власти подвергались критике со стороны ЕС и США. За последние годы в республику вернулось 80 боевиков, 16 из которых были осуждены на относительно небольшие сроки (от 2 до 7 лет).

Автор отмечает слабую координацию усилий балканских стран по борьбе с трансграничной экстремистской активностью. Упоминается лишь одна совместная акция, проведенная македонцами совместно с Косово и Албанией, в результате которой было арестовано порядка 20 человек, обвиненных в экстремизме (с. 262). Хотя балканские страны, развивают трансграничное сотрудничество полицейских, разведывательных и судебных служб, недостаточным остается их сотрудничество с российскими, белорусскими, казахстанскими и иными структурами постсоветских стран, занимающимися противодействием терроризму и имеющими колоссальный опыт в этой сфере (с. 269).

В заключительной части книги Е.Г.Пономарева анализирует общий вектор движения балканских стран в мировом развитии, доминантой в котором остается интеграция в европейские и евроатлантические структуры. В 2004 г. Болгария первой из балканских государств после Греции была принята в НАТО. Албания и Хорватия последовали за ней в 2009 г., Черногория – в 2017 г., остальные ведут диалог о вступлении в организацию. От кандидатов на вступление в альянс требуется прозрачность в области национального военного планирования и формирования военного бюджета, а также обеспечение демократического контроля над вооруженными силами и спецслужбами (с. 272).

Автор отмечает, что идея вступления в НАТО пользовалась гораздо меньшей поддержкой населения добивавшихся этой цели балканских стран, нежели вхождение в ЕС. Так, даже в Хорватии вступление в ЕС поддерживали 80% опрошенных, а в НАТО – только 50%.

Среди добивающихся вступления в ЕС и НАТО балканских государств наиболее сложные проблемы в контексте взаимоотношений с ее членами испытывала Македония, где в 2001 г. имели место вооруженные столкновения

между армией и албанской Освободительной национальной армией. Для разрешения конфликта ЕС, НАТО и ООН вынудили македонские власти сесть за стол переговоров и пойти на уступки албанской стороне. Как результат, возникла перспектива федерализации Македонии с неясными перспективами. Кроме того, у Македонии возник политический конфликт с Грецией из-за названия страны, совпадавшего с названием греческой провинции (и урегулированного лишь в 2019 г., когда страна поменяла название на Северную Македонию). До тех пор Греция блокировала попытки Скопье интегрироваться в европейские и иные международные структуры и институты.

Что касается Боснии и Герцеговины, то это образование фактически остается под внешним управлением в лице Совета по выполнению мирного соглашения, сил по выполнению Дейтонского соглашения, сил ЕС и т. п. Высокого представителя (по сложившейся практике этот пост занимают иностранные граждане) назначает СБ ООН. При этом военные и полицейские силы НАТО и ЕС имеют право применять военные меры для соблюдения выполнения соглашений по Боснии – государству, существующему лишь формально.

Черногория, входившая в состав Югославии, поспешила ради членства в ЕС побыстрее из нее выйти; более того, в 2008 г. ее руководство признало независимость Косово. В 2016 г. она была принята в НАТО.

Что касается Сербии, то ее следование курсу на евроинтеграцию, по мнению автора, потребовало от Белграда не просто политических уступок и репутационных издержек, но и потери находящейся в Косово и Метохии части исторической родины (с. 286). Как заключает Е.Г.Пономарева, казус Косово уникален, прежде всего, тем, что это первый, но, возможно, не последний в Европе случай провозглашения еще одного национального государства албанцев при наличии у них признанной международным сообществом национальной государственности в Албании (с. 287).

Конечно, мировым державам не всегда есть дело до проблем малых стран. Однако пренебрежение такими проблемами нередко бывает чревато более серьезными последствиями в виде столкновения уже между более влиятельными государствами. В силу этого «балканский узел» требует к себе повышенного внимания мировой общественности и экспертного сообщества. Роль России в отстаивании своих интересов и позиций в регионе должна быть более активной. Именно эта идея проводится в книге.

Монография Е.Пономаревой написана хорошим научно-популярным языком. Книга представляет интерес для тех, кто занимается вопросами европейской безопасности, регионалистики, проблемами мира и конфликтов, а также международных отношений в целом.